

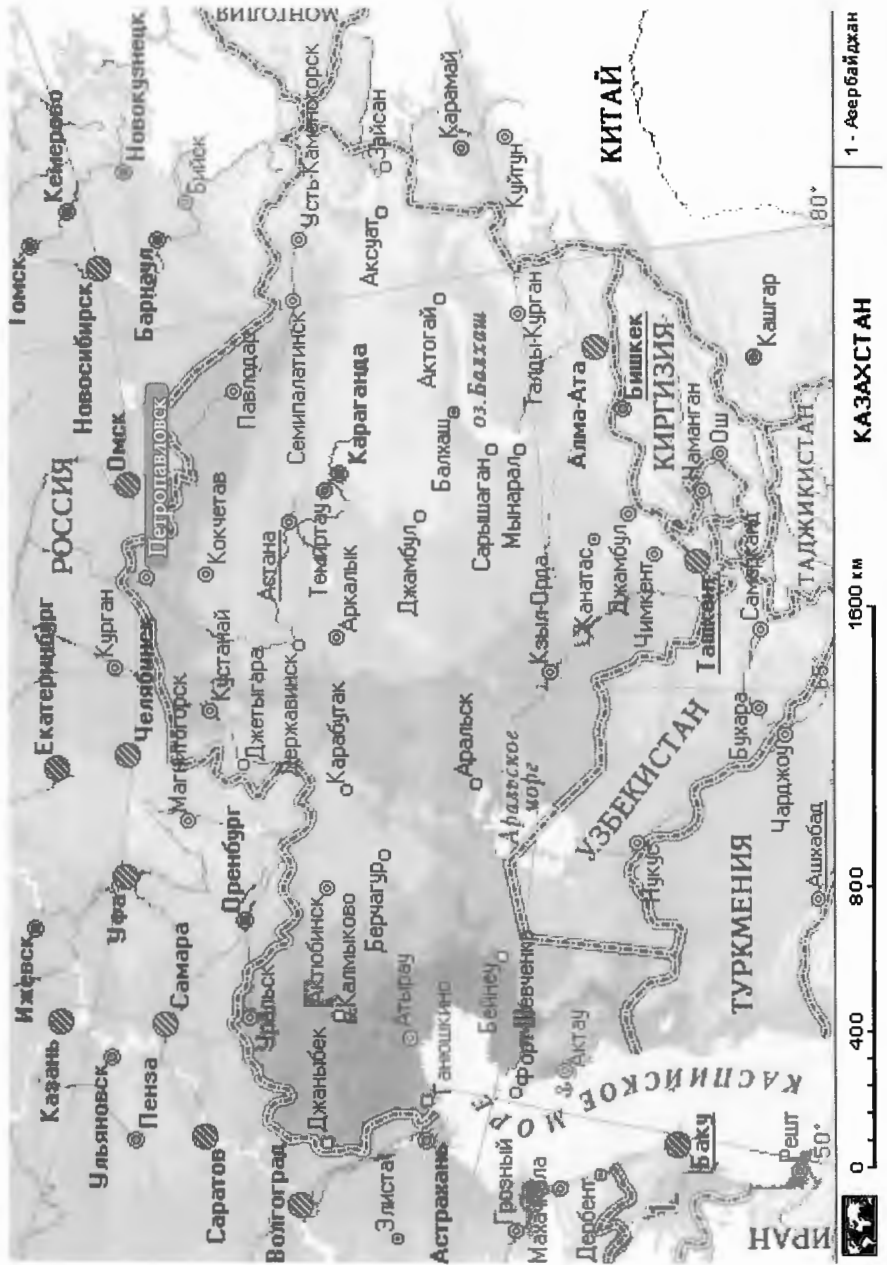

**ОБЛАСТНОЙ ПОЛЬСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
«КОПЕРНИК»**

Петропавловск, 2016

66.3(5Каз),5
 К67
 СКО

Издательство
«Северный Казахстан»

УДК 821 (574)
ББК 84.3 (рус) – 5-2
К 32

В. Ю. Корнева
К 32 «Областной польский культурный центр». - Петропавловск:
ТОО «Издательство «Северный Казахстан», 2015 г. - 160 с.

ISBN 978-601-7247-26-7

Корректор: Е. Анискина
Дизайн и верстка: В. Резунов

Автор: В. Ю. Корнева.
Редакционный совет: А. А. Крашевский, В. Ю. Корнева.

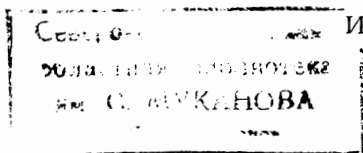
Проект реализован Северо-Казахстанским областным польским культурным центром «Коперник» при поддержке КГУ «Қоғамдық келісім» ГУ «Аппарат акима Северо-Казахстанской области» в 2016 году.

556970

УДК 821 (574)
ББК 84.3 (рус) – 5-2

ISBN 978-601-7247-26-7

© «Областной польский культурный центр», 2016
Издательство «Северный Казахстан», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	5
Благодарности	6
Краткие сведения о поляках в СКО	8
О храме Пресвятого Сердца Иисуса	35
Из истории создания ОПКЦ «Коперник»	41
Учителя польского языка в Петропавловске	44
Члены совета ОПКЦ «Коперник»	47
ОПКЦ «Коперник» сегодня	52
Деятельность ОПКЦ «Коперник» по сохранению польского языка, традиций и обычаев ...	70
Фестивали польской культуры	76
Выставки	86
Сотрудничество ОПКЦ «Коперник» с кафедрой АНК СКГУ им. М. Козыбаева и учебно-образовательными заведениями	100
Польское отделение средней школы-комплекса национального возрождения № 17	106
Приложение	112
Контакты	160

БЛАГОДАРНОСТИ

Северо-Казахстанский областной польский культурный центр «Коперник» выражает сердечную благодарность ассоциации «Wspólnota Polska», посольству Республики Польша в Республике Казахстан и областному акимату за постоянную, неоценимую помощь в работе центра по возрождению и развитию польского языка и культуры в СКО.

Особую благодарность ОПКЦ «Коперник» выражает:

– председателю Фонда помощи польским школам на востоке им. Т. Геневича Юзефу Адамскому; предприятию строительной керамики Марковиче СА и Тадеушу Куне; мастерской АРТ-терапии в Белгорае и Дануте Мазурек; директору Дома культуры в Лукове Веславе Кубув; музею «Центр Документации Искусства Тадеуша Кантора КРИКОТЕКА», г. Краков;

– бывшим чрезвычайным и полномочным послам Республики Польша в Республике Казахстан Владиславу Соколовскому и Павлу Чепляку;

– сотрудникам посольства Республики Польша в разные годы: Мэдарду Масловскому, Яну Дрождзу; Томашу Вельгомасу; Бартошу Яблоньскому; Павлу Ессе; Мечиславу Лапановскому;

– бывшему директору Северо-Казахстанского областного музейного объединения Ирине Михайловне Паламарчук; бывшему директору Северо-Казахстанского областного музея изобразительных искусств Валентине Петровне Воробьёвой; бывшему директору областного русского драматического театра им. Н. Погодина Людмиле Николаевне Лошаковой; Владимиру Ефремовичу Шустову; камерному хору областной филармонии; вокальной группе «Мрия»; первому заместителю Петропавловского филиала партии «Нұр Отан» Татьяне Юрьевне Чепухиной; ст. преподавателям СКГУ им. М. Козыбаева: Татьяне Ивановне Крашевской

и Елене Владимировне Ивановой; заведующей кафедрой АНК СКГУ им. М. Козыбаева Людмиле Александровне Гривенной; сотрудникам Управления научной публикации документов Архива Президента РК Елене Михайловне Грибановой и Анаргуль Сагиевне Зулкашевой; общественному объединению «Асыл Мура»; членам главного Совета адвокатов в Польше: Войчеху Монджицкому, Монике Стус-Волос, Магдалене Фертак и Юстыне Мазур; депутату Сейма Республики Польша Тадеушу Вожняку; Татьяне Будзиньской-Шафран; Оксане Алексеевне Салаховой; Розе Коноваленко; Гульмире Мукатаевой; Раушан Ирмековне Смаиловой; директору издательства «Северный Казахстан» Ивану Ивановичу Моору; телерадиоканалам ОТРК «КАЗАХСТАН-ПЕТРОПАВЛ» и ТОО «Муниципальный телерадиоканал акимата Северо-Казахстанской области», Эльвире Рудольфовне Ковзель, Сагиндыку Досмаковичу Салмурзину, Диляре Габидулловне Хасановой и всем, кто оказывал содействие в работе центра.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПОЛЯКАХ В СКО

Первыми поляками в Северном Казахстане были офицеры Ширванского и Нетебургского полков, служившие в царских войсках и прибывшие на строительство крепостей Новоишимской линии. После решения царского правительства о направлении в Сибирь ссыльных и каторжников в Приишимье нередко поступали представители польского шляхетства, оппозиционно настроенные к России. В конце 18 века число поселенцев Северного Казахстана пополнилось за счет повстанцев, руководимых Тадэушем Костюшко и разгромленных царскими войсками [1].

Начало XIX века ознаменовалось бурными событиями наполеоновских войн и восстанием декабристов. В Сибирь начали поступать военнопленные, среди которых было особенно много поляков. Большая часть поляков была зачислена рядовыми в Сибирское казачье войско

В ссылку на территорию современного Казахстана попадали участники польских восстаний 1830-1831 и 1863-1864 гг., лидеры народовольческих движений, социал-демократы. За участие в мятеже 1863 года привилегированного сословия высланных в Омск и Петропавловск было 32 человека, а в 1867 году в Петропавловске проживало более 60 польских ссыльных [2]. Следует отметить, что в дореволюционный период политическая ссылка была кратковременной и носила возвратный характер. Так, в селе Бугровом Красноярской волости (ныне Кызылжарский район СКО) имелось много ссыльных. Только за 1834-1851 годы их перебывало 91 человек. На 1851 год их насчитывалось 69 мужчин, 24 женщины. Из воспоминаний Киц Ульяны Сергеевны, 1899 года рождения, прибывшей в село Бугровое в 1906 году восьмилетней девочкой: «В селе Бугровом в 1906 году проживали поляки, русские, украинцы.

Село состояло из деревянных домов, крытых железом. Вокруг озера – основная масса домов, крытых дёрном. Была улица Польская, которая состояла из деревянных домов, тоже крытых дёрном» [3].

В феврале 1891 года правительство России утвердило решение о начале строительства Транссиба и создало специальный комитет по сооружению железнодорожной магистрали. Строительство Западно-Сибирского участка магистрали по велению императора Александра III возглавил поляк К. Я. Михайловский. Благодаря хлопотам начальника строительства К.Я.Михайловского и усердию рабочих и служащих, в мае 1893 года укладка пути началась, а уже к осени уложили 250 верст, подошли к Кургану, осенью 1894 года - к Петропавловску, а оттуда двинулись в сторону Омска [1, 4].

11 июля 1894 года в город прибыл по строящейся Транссибирской железной дороге первый грузовой состав, а 24 августа – первый пассажирский поезд, состоявший из десяти классных двухосных вагонов, следовавший из Санкт-Петербурга в Омск. Константин Яковлевич Михайловский постоянно был на трассе: проверял строительство участков, станционных сооружений, мостов, вникал во все детали и тонкости столь огромного фронта работ. Об этом свидетельствует тот факт, что здания паровозных депо были построены из кирпича или камня, с железной крышей, с устройством отвода воды из кочегарных ям. У станций, жилых домов и казарм были разбиты скверы и сады. Среди строивших Транссибирскую магистраль было много поляков. Это были образованные люди, грамотные инженеры и служащие, они усердно трудились, выполняя задачу строительства по вводу магистрали в срок и со значительной экономией предусмотренных сметой средств. Одним из них был Викентий-Игнатий Роецкий, инженер-изыскатель и строитель железных дорог. С апреля 1891 года Роецкий занимал должность старшего инженера по производству изысканий на Запсибе. После бракосочетания с дворянкой Дэзи Жоховской (3 февраля 1893 года) он был направлен на строительство

Записба начальником дистанции в район г. Петропавловска. Талантливый инженер, о котором тот же К. Я. Михайловский писал, что Викентий Роецкий подорвал здоровье, «работая с чрезмерным усердием на службе Отечеству», умер 8 марта 1896 года от паралича дыхания, прожив всего 35 лет [4].

Поляк Александр Викторович Затаевич, народный артист Казахской ССР, собравший 2500 фольклорных произведений казахского народа, один из основоположников казахской фортепианной музыки, приехал в Казахстан (Оренбург) из Варшавы весной 1920 года. Второй раздел его сборника «1000 песен казахского народа» состоит из музыкальных произведений, собранных в Акмолинской губернии (существовавшей в 1920-1928 годах), административным центром которой был г. Петропавловск. Затаевичем была разработана наиболее полная классификация основных жанров казахской народной песни. Он, впервые в истории казахской музыки, дал характеристику выдающимся народным композиторам Абаю Кунанбаеву, Курмангазы Сагырбаеву, Жаяу Мусе Байжанову, Биржану Қожагулову, Мухиту Мералиеву, Даулеткерейу Шыгаеву, Ибраю Сандыбаеву и привел некоторые биографические сведения о них. От Исы Байзакова Александр Затаевич записал песню Ибрая Сандыбаева «Гакку», которая впоследствии вошла без изменений в первую казахскую оперу «Кыз Жибек» [1,5,6].

В феврале 1930 г. ЦК ВКП (б) обсудил вопрос о задачах подъема экономики Казахстана в первой пятилетке и предложил пересмотреть пятилетний план развития народного хозяйства Казахской АССР, обеспечить в нем более широкое промышленное и железнодорожное строительство. Развить провозные и пропускные способности железных дорог для освоения растущего объема грузовых и пассажирских перевозок. Мотивируя тем, что для осуществления поставленных задач нужна квалифицированная рабочая сила, а местное население не отвечает этим требованиям, советское руководство проводило мероприятия по привлечению трудовых ресурсов извне. Важную роль в осуществлении этих планов сыграла

пропагандистская и агитационно-массовая работа по вербовке специалистов и рабочей силы среди коммунистов и комсомольцев из промышленных районов России и Украины [7]. Одним из них был машинист Викентий Леонтьевич Новотарский. Его как члена партии большевиков направили на 2 года в г. Акмолинск. Викентий Леонтьевич первым провел тяжеловесный состав, за что был представлен к правительственной награде. В сентябре 1937 его перевели в г. Петропавловск, а 15 января 1938 года он был арестован ОДТО НКВД ст. Петропавловск. На следующий день, 16 февраля 1938 года, Комиссия НКВД приговорила В. Л. Новотарского к высшей мере наказания по ст. 58-10 УК РСФСР. Реабилитирован Викентий Леонтьевич в 1959 году за отсутствием состава преступления [8,9].

Самый большой прилив принудительных поселенцев, повлиявший на формирование этнической структуры населения в Северном Казахстане, произошел в первой половине 20 века. Первая волна поляков прибыла в 1936, затем – в 1937-38 и 1939-1940 годах. На основе собственной работы с архивными документами, хранящимися в ГАСКО (г. Петропавловск), и анализа научных работ по депортации поляков А. С. Зулкашевой, Е. М. Грибановой, О. Салаховой, Н. А. Абуова, С. В. Елеухановой, Л. К. Шотбаковой и др. следует, что:

– депортация лиц польской национальности была санкционирована Постановлением Совнаркома СССР от 28 апреля 1936 года № 776-120 СС «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Каз. ССР 15 тысяч польских и немецких хозяйств» за подписью Председателя СНК СССР Молотова. (1932-1936 гг. административный центр Карагандинской обл. – г. Петропавловск. В конце 1936 г. из Карагандинской обл. была выделена Северо-Казахстанская обл.). В постановлении не было указано ни причин переселения, ни сроков, на которые переселяли. В докладной записке Наркома НКВД Г. Г. Ягоды на имя зам. председателя СНК В. Я. Чубаря упоминалось, что в правовом положении переселенцы приравниваются к ранее высланным кулакам-переселенцам [10, 11, 13].

Крашевская П.Ф. с детьми,
с. Красная Поляна, 1939 г.

– выделяются два аспекта насильственного переселения поляков, советских граждан, из приграничных с Польшей регионов Украинской ССР и депортации польских граждан из восточных районов довоенного польского государства после аннексии этих территорий СССР в сентябре 1939 года. Положение названных групп и их последующие судьбы были различными, т. к. они определялись первоначальным государственным подданством [10];

– депортация лиц польской национальности на север Казахстана решала проблему

«очистки» приграничных территорий от «неблагонадежных народов» [12], помогала восполнить убыль населения Северного Казахстана и поднять на новую ступень развития отрасль сельского хозяйства;

– в документе «Сведения о спецпереселенцах поляках и немцах, прибывших из Украинской ССР» (секретно), от 27 июня 1936 года, отмечено, что первые эшелоны прибыли на станцию Таинча (Тайынша) 3 июня 1936 (156 семей – 725 человек), 4 июня (159 семей – 668 человек), 5 июня (137 семей – 644 человека), 6 июня прибыло 4 эшелона (595 семей – 2897 человек) и т. д. На 21 июня 1936 года, согласно этому документу, прибыло 5615 семей – 26 778 человек [10].

Парадокс в том, что переселяемый контингент Постановлением Совнаркома СССР от 28 апреля 1936 года № 776-120 СС не ограничивался в гражданских правах, но имел право передвижения только в пределах района расселения и не имел права выезда

из мест поселения. Административный надзор за спецпереселенцами вели комендатуры РО НКВД, которые должны были бороться с побегами и контролировать соблюдение правил общественного порядка и трудоустройства депортированных. Реальная картина событий вырисовывается из документов личного дела спецпереселенца Станислава Ивановича Мазуркевича. Так, из анкеты мы видим, что Станислав Мазуркевич, 1890 года рождения, беспартийный, малограмотный плотник, женат и имеет четверых детей. Получил

Семья Марчевских, 1952

повестку о выселении в Казахстан – 3 сентября 1936 года. На сборы ему дали четверо суток, 8 сентября 1936 года из деревни Ольховцы семья Мазуркевичей должна отправиться на станцию Закупное. В описи имущества находим, что семья Мазуркевичей имеет всего одну корову, три сундука, две кровати, столярный инструмент, один стол, три табуретки, люльку (детскую кровать) и небольшой набор посуды. Из чего следует, что Станислав Иванович был человек небогатый. Но считался он неблагонадежным элементом, так как по национальности поляк и служил в петлюровской банде по мобилизации. Имел сестру в Польше и брата в Америке, а его шурин был выслан органами НКВД. Эти сведения мы находим из справки-характеристики на Станислава Мазуркевича, написанной от руки и подписанной председателем сельсовета.

По прибытии на место высылки, а именно в село Леонидовку Ленинского района Северо-Казахстанской области Каз.ССР, С. Мазуркевич дал подписку, что с обязанностями

**Анатолий и Валентина
Крашевские, с. Степное, 1953 г.**

выселенца ознакомлен, и написал расписку о том, что он выслан навечно и, в случае побега с места ссылки, будет осужден по ст. 161-я ч. 82 УКРСФСР. В личном деле также имеется регистрационный лист с датами отметок 1 раз в месяц [14].

Жилищно-хозяйственное и коммунально-бытовое строительство, а также сельскохозяйственное обустройство спецпереселенцев было возложено на ГУЛАГ НКВД с привлечением сил и средств самих переселенцев.

Из справки заведующего сельхозотделом Северо-Казахстанского обкома ВКП (б), относящейся к концу 1936 г., следует, что в бывшую Карагандинскую область в июле и сентябре завезено с Украины 14 048 хозяйств переселенцев в составе 63 976 человек, из них поляков – 75,7% (свыше 48 тыс.), немцев – 23,4%, украинцев – 0,8%. В Северо-Казахстанской области было расселено 12 008 хозяйств, в том числе 9150 хозяйств в новых поселках и 2858 хозяйств доприселены в существовавшие колхозы. В Карагандинской области расселено 2040 хозяйств, в том числе 1769 в новых поселках и 271 хозяйство доприселены в старые колхозы. На выделенных земельных фондах организовано 37 поселков, из них 31 на территории Северо-Казахстанской области и 6 в Кар [агандинской] области. Наиболее известны 13 точек (спецпоселков), организованных близ ферм Жаркуль, Алабота, Кара-Коба, Сауле, Кара-Агаш и др. В сентябре 1936 года решением облисполкома, учитывая ходатайства местных

жителей, каждой из переселенческих точек было определено название. Точка № 1 – Калиновка, № 2 – Донецкое, № 3 – Белоярка, № 4 – Подольское, № 5 – Ясная Поляна, № 6 – Вишневка, № 7 – Константиновка, № 8 – Краснокиевка, № 9 – Ново-Березовка, № 10 – Ново-Гречановка, № 11 – Зеленый Гай, № 12 – Чкалово, № 13 – Петровка [10, 11, 13, 15].

Местные партийные функционеры рапортовали о том, что решение ЦК ВКП (б) и Совнаркома по приему и устройству огромного количества хозяйств переселенцев в сравнительно короткие сроки выполнено. «План жилищно-хозяйственного и коммунально-бытового строительства НКВД выполнен полностью. Всего построено: жилых домов – 3525, МТС – 29, зданий школ – 34, санитарно-медицинских пунктов – 43, сельскохозяйственных построек – 141. Средняя жилплощадь на одного переселенца составляет 2,28 кв. м». Последний факт вызывает большие сомнения, если посмотреть и сравнить количество расселенных только в Северо-Казахстанской области 12 008 хозяйств и построенных всего 3525 жилых домов одноэтажной застройки [10, 13].

Из письма Северо-Казахстанского облисполкома (г. Петропавловск) с просьбой о выделении средств на обучение детей спецпереселенцев от 19 апреля 1937 года, совершенно секретно, председателю СНК СССР т. Молотову: «...в нашей области организовано 30 поселков. В этих поселках имеется 8335 детей школьного возраста. Для полного охвата их обучением необходимо иметь при двухсменных занятиях 106 классов. В настоящее время построено 28 классов и намечено строительство еще 10 классов. Таким образом, с начала учебного года обучением при двухсменных занятиях будут охвачены 3040 детей, для оставшихся вне школы 5295 детей необходимо дополнительное строительство 68 классов. На наше обращение в КазСНК по вопросу об отпуске средств на дополнительное строительство школьной сети в переселенческих колхозах положительных результатов не дали по тем мотивам, что этот вопрос решается Москвой».

Судя по документам, медико-санитарная часть на местах не была обеспечена самым необходимым, это приводило к целому ряду заболеваний, иногда со смертельным исходом. Начальник отдела Северо-Казахстанского областного управления НКВД в рапорте от 9 февраля 1937 г. в НКВД Каз. ССР приводит факты опухания (от 10 до 50 семей), заболевания цингой и куриной слепотой (до 10-15 случаев в некоторых поселках).

В письме заместителя наркома внутренних дел Каз. ССР в адрес СНК указывается, что «медицинская помощь недостаточна и качественно неудовлетворительна... Сеть медучреждений медработниками не укомплектована... Специальных видов помощи нет. Финансирование медсети проходит с перебоями» [10, 11, 13]. В приказе Наркомзема Каз. ССР отмечалось, что «...земельные органы на местах зачастую самоустранились от выполнения мероприятий по переселению, не оказали надлежащей помощи, не обеспечили своевременный отвод приусадебных участков, не организовали помощь в части приобретения скота, продуктов питания и пр.», отмечает О. Салахова со ссылкой на ГАКО, ф.13, оп. 3, д.24, л.384 [15]. В документах, поступивших в сельскохозяйственный отдел Казкрайкома и СНК Каз. ССР из НКВД, ситуация с обеспечением поселков характеризуется следующим образом: «Несмотря на все настояния, положение с обеспечением украинских поселков Северо-Казахстанской области в части снабжения их овощами, одеждой, мукой, керосином и прочими продуктами и товарами первой необходимости продолжает оставаться нетерпимым... Необеспеченность контингента одеждой и обувью значительно сократила выход на работу, что крайне болезненно отражается на ходе подготовительных к севу работ» [11].

Из постановления объединенного заседания Келлеровского райкома ВКП (б) и президиума райисполкома Северо-Казахстанской области (с. Келлеровка) от 25 февраля 1937 года «...по состоянию на 1.02.37 г., из общего числа хозяйств по Летовочному району (4178) получают продовольственную

ссуду только 3516, или 84,1% от общего числа. Норма выдачи продссуды 10 кг зерна на месяц на взрослого человека (всего 330 граммов в сутки!!!) и 8 кг. на ребенка...Дефицит зерна до нового урожая (1.09.37 г.) составляет 300 тонн. Из-за отсутствия денежных средств и почти полного отсутствия в сельпо приварочных средств (картофель, овощи, крупа и пр.) продссуда для большинства переселенцев является основным источником существования» [10]. Тяжелое продовольственное положение наблюдалось и в других поселках». Сложная ситуация с продовольствием была и у местных жителей. Колхозники Северо-Казахстанской области в 1936-1937 гг. собрали мизерный урожай и жили в режиме жесткой экономии [13].

В жалобе жителей поселка Ново-Березовки от 10 января 1938 года, направленной председателю райисполкома, читаем: «в виду постигшего поселок стихийного бедствия – недорода 1937 года – колхозники нашего поселка остались без хлеба, из 206 колхозных хозяйств – 942 души, 50% уже выбились из сил, некоторые истощали, не имеют сил подниматься. Некоторых людей зав. мед. пунктом направляла в Блюхерскую больницу, но там не принимают, говорят – у нас не приют, мы лечим больных, а не голодных. Правление колхоза просит РИК ходатайствовать перед вышестоящими организациями о помощи» [15, 16]. Отсутствие жилья, теплой одежды и обуви, сильные морозы, катастрофическая нехватка продовольствия для многих депортированных поляков закончились летальным исходом.

На 1 января 1938 года в переселенческих районах Северо-Казахстанской области численность спецпереселенцев польской национальности составила 26834. В конце 1944 года по материалам ГАСКО в Северо-Казахстанской области было более 100 поселков, в которых проживали поляки-спецпереселенцы [17].

В письме УНКВД по Северо-Казахстанской области от 4 апреля 1940г. отмечается, что, «решением правительства из западных областей Украины и Белоруссии (с территории бывшей Польши) в ближайшее время будет изъято и выселено на территорию Казахстана сроком на 10 лет, значительное

количество антисоветского элемента, 28000 человек – в Северо-Казахстанскую область». Особо подчеркивалось, что местные органы власти не берут на себя никаких материальных обязательств в устройстве этих переселенцев. Это были семьи репрессированных бывших чинов польской армии, полиции, помещиков и капиталистов, деятелей буржуазно-националистических партий и т. д. Размещались они среди местного населения в существующих населенных пунктах на основе личной договоренности с колхозниками и рабочими совхозов, или же в порядке постройки своих собственных домов и землянок. Положение для этого спецконтингента складывалось буквально катастрофическое, так как колхозы, согласно уставу сельхозартелей, не могли привлекать их к работам в колхозах. На почве непредставления работ и отсутствия средств существования имелись случаи массового бегства, покушений на самоубийство и т. п. [11].

Начало Великой Отечественной войны 1941 года ознаменовалось для депортированных народов, в том числе и поляков, массовой мобилизацией в трудармию. В условиях войны спецпереселенцы рассматривались государством как наиболее дешевая, дисциплинированная, покорная, неприхотливая и готовая к перегону с места на место в любой день рабочая сила. Мобилизация всей трудоспособной части спецпереселенцев от 16 до 60 лет (и мужчин, и женщин) зачастую обрекала на голодную смерть оставшихся без родителей детей. Личное хозяйство мобилизованного передавалось колхозу, дети переходили на полное содержание колхозов. Спецпереселенцы направлялись на самые трудные участки, в первую очередь на строительство важнейших объектов оборонного значения: железных дорог, предприятий и шахт. Основная масса мобилизованных была направлена на Челябинский и Карагандинский военстрои. В случае неявки или уклонения гражданина от мобилизации материал направлялся в военную прокуратуру [18, 10, 15].

К сожалению, воссоздать полную картину участия поляков-спецпереселенцев в создании оборонного потенциала

страны пока не представляется возможным из-за недостатка данных, имеющихся в архивах республики. В 1943 году поляков-спецпереселенцев стали призывать на фронт.

Послевоенное положение поляков определялось Постановлением СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. Хотя в постановлении декларировался принцип полного гражданского равноправия всех спецпереселенцев, надзор комендатур органов внутренних дел сохранялся, ограничения в передвижении оставались прежними. Репатриация в Польшу 1946 г. была проведена в отношении тех поляков, которые были депортированы в 1940-1941 гг., прошли процедуру амнистии в августе 1941 г. и не приняли советское гражданство в 1943 г. Всего из Северо-Казахстанской области было репатриировано 5756 человек [10, 11, 19].

В отношении остальных поляков-спецпоселенцев, т. к. они были приравнены в правовом положении к «спецпоселенцам – бывшим кулакам», был применен приказ МВД СССР № 001044 от 7 октября 1947 года. Они были освобождены из спецпоселений и стали в массовом порядке выезжать из Казахстана. По данным МВД Каз. ССР выехало 2970 семей – 11 260 человек (сколько из СКО – неизвестно). Так как многие колхозы, особенно в Келлеровском и Чкаловском районах Кокчетавской обл. Каз. ССР (выделенной с 14 марта 1944 года из Северо-Казахстанской обл.), целиком состояли из поляков, их массовый выезд ставил

Участники ВОВ
и войны с Японией -
Крашевские Франц и Антон

Ambasada P.R.L. w Moskwie
BIURO PEŁNOMOCNIKA RZĄDU
d/s Repatriacji Polaków
z ZSRR

Moskwa, dnia 26 kwietnia 1957 r.

Ob. Karwowska Maria

W odpowiedzi
prosimy podać

Nr. 274/ K / 999

157

Na Wasz list z dnia

W odpowiedzi na list z dnia 12.XII.1956r. w sprawie repatriowania się do kraju - Biuro Pełnomocnika Rządu do Spraw Repatriowania Polaków w załączeniu przesyła Obywatelce umowę zawartą między Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej a Rządem Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich w sprawie terminu i trybu dalszej repatriacji z ZSRR osób narodowości polskiej w celu zapoznania się z art. 1 umowy, który wyraźnie mówi, kto ma prawo do repatriacji.

Z uwagi na to, że byliście do 17.IX.1939 r. obywatelką radziecką umowa ta nie ma do Was zastosowania.

Biuro Pełnomocnika Rządu
d/s Repatriacji Polaków
z ZSRR

Отказ в репатриации для Карвовой Марии

под угрозой срыва проведение сельскохозяйственных работ. В итоге 29 сентября 1948 г. последовало телеграфное распоряжение министра ВД СССР Круглова за № 406 «О взятии на учет поляков, выселенных в 1936 г. из Украинской и Белорусской ССР, как неправильно освобожденных по приказу МВД СССР № 001044 от 7 октября 1947 г.» [11].

Попыткой удержать на местах работоспособное сельское население был Указ от 26 ноября 1948 о том, что «немцы, поляки, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и другие переселенцы в предоставленные районы переселены навечно и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет». И специальный приказ № 00187/64сс от 20 марта 1952 г. «О привлечении к уголовной ответственности за побег с места

поселения поляков, выселенных в 1936 г. из погранрайонов УССР и БССР» [10, 11].

Данные из справки УМГБ по Кокчетавской области от 15 декабря 1952 г. о состоянии режима спецпоселения и общественного порядка среди спецпоселенцев: «за несвоевременную явку на контрольную регистрацию арестовано 6 поляков и подвергнуты штрафу – 35; за самовольные отлучки без разрешения районных отделов Министерства государственной безопасности на рынок, в медучреждения, районные организации, к родственникам и т. д. арестовано 66 поляков и подвергнуты штрафу – 160; за прочие нарушения (в том числе отлучались по производственной необходимости) арестовано 22 поляка и подвергнуты штрафу – 30» [10].

Запрет на свободный выбор места жительства, трудности с выездом на учебу существенно ограничивали возможность получения высшего образования для молодежи. А следующий документ практически закрывал доступ к получению высшего образования в самых престижных вузах, в том числе и юридического. В периферийные учебные заведения, в основном педагогические и сельскохозяйственные, принимались буквально единицы. Согласно постановлению ЦК КП (б) К от 28 мая 1952 г. «О приеме спецпоселенцев в высшие учебные заведения», под грифом «строго секретно», следовало прекратить прием спецпоселенцев в Казахский государственный университет им. С. М. Кирова, в Алма-Атинский юридический, Казахский горно-металлургический, физкультурный и педагогический институты, а также в консерваторию. А в Казахский сельскохозяйственный, ветеринарно-зоотехнический, медицинский, Чимкентский технологический и учительские (кроме Алма-Атинского) институты принять ограниченное количество спецпоселенцев, в первую очередь коммунистов и комсомольцев, активно проявивших себя в производственной и общественной работе, но не более установленной квоты [11, 20].

В период освоения целинных и залежных земель 1954-1962 гг. Казахстану отводилась главная роль в борьбе за быстрый

подъем зернового хозяйства, в связи с чем в республике стала расширяться материально-техническая база сельскохозяйственного производства. Остро встала задача укрепить колхозы и МТС квалифицированными кадрами, и для ее выполнения миллионы молодых энтузиастов отправились «поднимать целину». Первоцелинник, спортсмен, педагог и старейший скульптор нашей области – Владимир Иванович Гачинский – один из них.

С наступлением «хрущевской оттепели» положение спецпереселенцев изменилось. Первой ласточкой в процессе реабилитации стало Постановление Совмина СССР от 1 августа 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев». В результате этого только за 1955 год из 23 270 лиц польской национальности со спецучета было снято 7521 человек. Отмечает О. А. Салахова, ссылаясь на п/а, ГАКО, ф.1, оп.2, д.107, л.967 [15]. А в личном деле С. И. Мазуркевича находится подписанная им в октябре 1954 г. расписка о том, что он обязан являться на отметку в органы МВД 1 раз в год лично. И в случае побега с места обязательного выселения будет нести уголовную ответственность по ст. 82, ч. I УК РСФСР [14].

Режим спецпоселения для поляков в Казахстане был отменен лишь после смерти Сталина и перемен в руководстве страны. Постановление от 17 января 1956 года «О снятии ограничений по спецпоселению с лиц польской национальности, выселенных в 1936 году из приграничных с Польшей районов Украинской ССР». Однако Постановление не предусматривало ни выдачи компенсаций, ни возвращения имущества, особенно недвижимого, конфискованного при выселении, ни, тем более, возмещения морального ущерба. Кроме этого, все спецпереселенцы давали подписку о том, что они не имеют права проживать в местах, откуда были высланы [10, 13, 21].

Сам процесс реабилитации начался после подписания Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-х – 50-х

годов» и закончился в июне 1991 года с принятием «Закона о реабилитации репрессированных народов» [15].

Насколько картина депортации, по воспоминаниям очевидцев, прибывших первыми на станцию Таинча (Тайынша), отличается от приведенных выше архивных данных, читатель может судить сам.

– Страх перед неизвестностью: на сборы, в зависимости от местных условий и от того, состоит ли выселяемая семья в колхозе, давали от двух часов до двух недель. Все это время выселенцы находились под охраной и всякие передвижения за пределы села или хутора были запрещены. За эти 120 минут надо было собрать все необходимое для жизни в новых условиях. Надо учесть то, что за несколько месяцев до депортации представителями силовых структур из домов, не пожелавших вступить в колхоз, было вынесено все самое ценное. Привожу воспоминания Риммы Степановны Семирдовской: «Забрали хозяйство, посуду, постель и мебель. Не тронули только кровать, на которой лежала больная бабушка. Вернулись с проверкой через две недели. Увидели топчаны, сделанные папой. Четыре человека взяли за углы простыни и переложили бабушку на топчан, а кровать унесли. Так что практически на момент выселения брать с собой было нечего» [22].

«В голодный 1931 год семья, состоящая из 7 человек, переехала к родственникам в Каменец-Подольскую область в колхоз. Отец работал подручным у кузнеца, а мама работала дояркой. Я тогда училась в школе и мне исполнилось 12 лет. Помню, как однажды маму вызвали в сельский совет и сказали, что нам дается три дня на сборы, и что мы поедем в Казахстан. Когда мы вышли из сельсовета, к нам сразу же был приставлен милиционер, который все 3 дня нашу семью охранял. Когда мама спросила его, что он ходит за нами хвостиком, её забрали на двое суток и закрыли в кутузку. Когда нас вывозили, с собой разрешили брать все необходимое и корову», - вспоминает Лисовик (Войцеховская) Нина Александровна.

По воспоминаниям И. Д. Ланецкого «...на сборы дали 24 часа. Мне было 4 года. Мы попали в 13 точку. Там колышка не было, потому что там жили заключенные люди. Была пара барачков, размещали несколько семей в одном бараке. Нашу семью разместили в коридоре (5 человек). Очень трудно было жить – ни продуктов, ни еды, ничего не было... В 1937 году начали строить землянки. Нам дали одну на две семьи. Когда отца забирали, мать плакала и говорила: «На кого ты нас покидаешь?» Отец сказал: «Я тебе оставляю хозяина». Я начал работать с 10 лет. Работали бесплатно, только за похлебку. Хотел узнать, где отец. Один незнакомый мужчина сказал, что наш отец погиб в Мурманске на Медвежьих горах от голода. Жизнь была очень тяжелая, хорошего ничего не видели. В 1946 году, не забуду до смерти, послали нас на быках за комбайном в Кызылтуский район, за 180 километров от нашего села. На дорогу дали 2 килограмма зерновых отходов, ведёрко картошки (5 кг.) и 200 литров обрат на 6 человек. Туда ехали неделю и обратно. Жизнь прошла, и ушли годы, которые забрали наше здоровье. А сейчас так хочется жить, но нет ни сил, ни здоровья» [23].

Из воспоминаний М. С. Бродецкой (Машевской) «Имели хороший домик в лесу, там жили. Своими силами родители выкорчевали кусок земли, там на этом поле всё выращивали, сеяли. Дома, в основном, говорили на польском языке. Жили неплохо. Нас было пятеро детей. Но вот однажды ночью раздался громкий настойчивый стук. В дом вошли трое мужчин. Они зачитали какую-то бумагу. Все были перепуганы, так как там сказано, что мы – враги – должны быть высланы с этих мест в Казахстан в течение трёх дней. Было разрешено взять с собой скарб, живность. Это было горе с недоумением. Зачем? Куда? За что? Паспорта и другие документы забрали сразу же, чтобы не смогли убежать, за домами следили или жили в домах до тех пор, пока не грузились в вагоны. Говорить, спорить нельзя, так как будет ещё хуже, т. е. лагерь или что-то вроде этого. И вот помню эти товарные вагоны, в которых ехали